

Новые Известия - 200 г. - 16 мая - с. 7.

Легкость неизбежности

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Михаил Бузник.

«Неостуженный жемчуг».

УМСА—PRESS, 2001.

Париж — Русский путь Москвы

В наше время слово «поэзия» полностью утратило свое былое значение, а нового значения просто не появилось. С новорусской журденовской простотой поэзией стали называть все, что не проза. Словом, с одной стороны, поэзии нет, или как бы нет. А с другой, все, кому не лень, объявляют себя поэтами, забывая, что не только «поэтом можешь ты не быть», но и гражданином, слава Богу, быть не обязан. Живи себе в свое удовольствие. Но не тут-то было. Не уходят из памяти времена, когда, удачно или коряво зарифмовав пару прописных истин, можно было не только прослыть поэтом, но и «государыню» (госпремию) получить...

Михаил Бузник выпустил первый сборник в 1995 году. С тех пор в УМСА—PRESS вышло в целом четыре книги поэта. Объясняется это очень просто:

Ребенок во чреве / увидел совершенство / тех звезд, что вошли / в вечное молчание.

Можно сколько угодно восхищаться католическими текстами Поля Клоделя, но когда говорят «католический поэт», я отвечаю: или католический, или поэт. Поэзия не может быть ни католической, ни православной, как не может она быть партийной или атеистической. Поэзия выше всех духовных сует. Сказав так решительно и бесповоротно, я тут же усомнюсь в бесспорности своих слов.

Изначальная легкость / Неизбежности — / Божественной. / И несотворенное уже / Ликует.

Для Бузника религиозность — такое же естественное состояние, как для большинства населения, даже не берусь сказать что, дабы не впасть в непреднамеренное кощунство.

Сложность в том, что текстовое соприкосновение с православной литургией всегда убийственно для поэта любого уровня. Православная литургия настолько поэтически гениальна, что в ее энергетическом поле любые тексты аннигилируют, дематериализуются так, что и пепла не остается. Это очень тонко заметил Пушкин в «Моцарте и Сальери». Погрешив против исторической истины, поэт сделал Сальери более религиозным, чем Моцарта. Но, разумеется, от набожности композитора музыка Сальери не стала лучше. Можно привести и другой пример. Некоторое время Лист, выбрив себе тонзуру, жил в монастыре и хотел стать монахом. В этот период его полностью покинуло вдохновение, и по совету самого Папы он покинул келью и стал служить Господу тем даром, который ему отпущен, — музыкой!

Кстати, музыку Михаил Бузник слышит:

Когда годы Гайдна / были накоплены — / он в будущей бездне / увидел дно!

Это по нынешним эстетическим нормам тоже моветон. Считается, что все слова уже сказаны и нельзя называть Гайдна Гайдном, музыку музыкой, красоту красотой. В принципе, конечно, нельзя. Назывная поэзия досыта приелась еще в советские годы. Но в данном, конкретном случае я бы сделал исключение. Всем нельзя, а Бузнику можно.

Бузник все время на грани, в некой прозрачной, уже нематериальной оболочке между этим и тем. «Там», слишком «там», «здесь», слишком «здесь», говорила Цветаева, а в поэзии Бузника мы не «там» и не «здесь», а между.

Поэзия Бузника однотонна и даже монотонна. Тут уж ничего не поделаешь. Кто-то неистовствует, извлекая из семи цветов еще сто тысяч оттенков, кто-то довольствуется черно-белой графикой. Бузник пишет по белому белым. Это квантовая поэзия. Не нарушая телесных покровов и материальных оболочек, она исходит из самых беспредельных глубин и туда же обращена.